

Георгий Войнович (Дорошевич)

Это не Вардар, напившись кристальных вешних вод от тающих горных снегов и опьянев, белый от пены, бурный, с рёвом несётся, подбрасывая на гребнях своих стволы столетних деревьев, катя огромные камни, всё разрушая на пути, — это Яшар-паша едет по долине Вардара.

Впереди него несутся крики ужаса, за ним путь улит слезами.

В злую минуту взглянул злой албанец на долину Вардара, — и резнули ему глаза трепетные огоньки свечей в окнах церквей. Много церквей настроили «райя» по долине. И сказал паша:

— Разрушу всё до основания. Клянусь, — каждый камень, на котором есть знак креста, переверну два раза!

Шло за Яшаром его отборное албанское войско, жестокое и злое.

Шли с кирками, с ломами, с заступами рабочие, чтоб подрывать и ломать церкви.

И куда ни придёт Яшар, в том селении только грохот раздастся, и столб пыли, словно дым густой, взовьётся к небу. Плакала «райя» и с ужасом говорила:

— Пришёл конец света, и антихрист идёт по земле.

Сидел Яшар на площади, на узорном ковре, на шитых подушках и курил кальян.

А каменщики и землекопы работали заступами, кирками, ломами, подрывали и подламывали церковь.

Яшар махал платком, — и по этому знаку рабочие давали последний удар. Треск, грохот раздавался. Рушился купол, стены. Ураганом взвивалось вверх облако пыли. И когда пыль проходила, только груда камней лежала вместо церкви, и как саваном, белою пылью были покрыты все дома, все улицы местечка, словно в саваны одетые, покрытые белою пылью, стояли люди. Земля вздрагивала от ужаса. А люди плакали и терпели. Яшар-паша шёл дальше и дальше разрушал. В Липьяне к старому собору собралась «райя» и в ужасе глядела на стены, от старости поросшие мохом:

— Ужели и этого старика не пощадит паша?!

Никогда ещё столько свечей не пылало в соборе. И день, и ночь духовенство пело молебны, и народ плакал и молился.

Тихо было кругом Липьяна. Из всех деревень народ ушёл в город молиться и плакать. Но вот по дороге раздались крики ужаса. Это бежали обезумевшие от ужаса жители соседнего местечка:

— К вам Яшар идёт! К вам Яшар идёт!

А по пятам за ними гнались, сверкая оружием, албанцы Яшара, злые и радостные. Ехал, окружённый блестящею свитой, Яшар. Шли, словно могильщики, с заступами землекопы, с кирками и ломом каменщики.

Прошли они, звеня и гремя, по мёртвым улицам Липьяна, — и остановились на площади, против собора.

Усмехнулся Яшар, увидев целое море огоньков в узеньких, стрельчатых окнах старого, от старости позеленевшего собора. И сказал он своим приближённым албанцам:

— Гоните райю из собора. Сейчас начнём подкапывать стены.

А солдаты Яшара стали подальше от домов: — Такая громада — собор рухнет, — земля содрогнётся, и домам не устоять. Весь город рухнет вместе с собором.

Приближённые албанцы протискались сквозь толпу к дверям собора и крикнули:

— Выбегайте, собаки. Сейчас начнём подкапывать стены. Рухнет, — раздавит вас, как кучу червяков.

Но народ, который был в соборе, в один голос отвечал:

— Не пойдём из собора! Рушьте его на наши головы! Здесь отпевали наших прадедов, дедов, отцов. Здесь отпоют и нас.

И духовенство запело, отпевая народ, решивший умереть. Яшар усмехнулся:

— Глупые! Когда молния летит в вековой дуб и разбивает его в щепки, — разве она думает о мошках, которые сидят на его листьях? И если несколько собак приютилось под деревом, разве это заставит молнию изменить свой полёт? Яшар — молния аллаха.

И он дал знак землекопам и каменщикам, окружившим старые стены собора, начать работу.

Стукнули заступы, кирки, ломы, — и вся несметная толпа народа, которая не поместилась в соборе и стояла около, попадала в ужасе на колени, закричала и завывала.

И был так страшен этот вой, что вздрогнуло даже сердце Яшара.

Он поднял руку, чтоб остановить работу. Посмотрел на покрытые мохом вековые стены, прислушался к похоронным напевам, нёсшимся из храма, посмотрел на рыдавший на коленях на площади народ и задумался. Словно отца всякий хоронил.

— Хорошо! — сказал Яшар. — Если вам уж так дорог этот старик, — я согласен его оставить. Но с одним условием.

Он усмехнулся злою улыбкою:

— Видите это дерево? Пока солнце опустится до него, пусть кто-нибудь из вас сбегает в Приштину и принесёт мне оттуда во рту око железных гвоздей. Если не успеет, — собор будет разрушен, как только солнце дойдёт до дерева. Торопитесь!

Яшар с презрением оглядел «райю». Толпа переглянулась.

До Приштины — вёрст десять. Времени оставалось с час. Да и разве можно добежать с закрытым ртом, полным гвоздями?

— Что ж вы? — продолжал презрительно улыбаться Яшар. — Никто не найдётся?

— Я! — раздался голос среди «райи». И из толпы вышел Георгий Войнович.

Яшар засмеялся, глядя на него:

— Беги!

Георгий Войнович сбросил с себя лишнюю одежду, поклонился паше, поклонился народу и бросился бежать.

Народ в ужасе стоял на коленях и молился за Георгия Войновича.

Каменщики и землекопы шутили, смеялись, выбирая места для будущих ударов заступами и кирками. Яшар смеялся со своими албанцами и поглядывал на солнце.

А время несло, как перед казнью, — и солнце быстро падало к дереву.

С улыбкой Яшар и с ужасом народ смотрел на солнце.

— Не вернётся Георгий!

Вот золотом вспыхнула с края листва, и ветви стали розовыми.

Вот чёрное кружево листьев вырезалось на золотом солнечном круге. А Георгия Войновича нет. Солнце сейчас-сейчас коснётся ствола.

Каменщики, землекопы взялись за кирки, заступы, лопаты и впились глазами в пашу, ожидая знака.

Прищулив один глаз, с насмешливой улыбкой Яшар взглянул на солнце и на ствол, подождал несколько мгновений и поднял руку. Но в эту минуту раздался крик:

— Бежит! Бежит!

По дороге бежал Георгий Войнович.

Ноги у него подкашивались, он качался из стороны в сторону.

Бежал, как бежит петух, которому перерезали горло. Спотыкаясь, с безумными глазами, он сделал несколько последних прыжков и упал у ног паши.

Изо рта у Георгия Войновича полилась густая кровь, и в крови гвозди.

С изумлением и с ужасом смотрел на него Яшар-паша. С изумлением и с ужасом глядели все албанцы. «Райя» рыдала.

— Встань! — приказал Яшар.

Но Георгий Войнович лежал, дёргаясь у ног паши. И кровь лилась, лилась из его рта. Георгий Войнович умирал. Он проглотил несколько гвоздей.

Яшар-паша поднялся.

— Какая верная собака! — сказал он. Ужас охватил Яшара, он вскочил на коня и молча дал знак ехать обратно.

Молча и в ужасе поехали за ним албанцы. Молча и в ужасе пошли каменщики и землекопы, с заступами на плечах, словно могильщики.

А народ теснился вокруг умиравшего в судорогах Войновича, чтоб поцеловать хоть край его одежды. Так умер Войнович и спас старый Липьянский собор. И песни Старой Сербии до сих пор поют о подвиге Георгия Войновича.